

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот роман был написан в 1900 году. Сочтя его чрезвычайно дерзким, издатели — в том числе Уильям Хайнеманн — один за другим отказались печатать книгу. Наконец ее прочел Робертсон Николл, партнер издательской компании «Ходдер и Стотон». Он решил, что роман «не того сорта», чтобы публиковать его у себя в издательстве, однако дал ему неплохую оценку и уговорил Уильяма Хайнеманна пересмотреть свое решение. Хайнеманн прочел роман и согласился напечатать его с условием, что я выброшу куски текста, которые он посчитал скандальными. Это было в 1902 году. Судя по всему, книга имела определенный успех, поскольку в следующем году вышло переиздание, и еще одно — в 1908-м. Тридцать лет спустя роман опубликовали вновь. Это издание было отпечатано с оригинальной рукописи с сохранением «оскорбительных для нравственности» отрывков, потому как я, убей Бог, не мог вспомнить вымаранных мест, а сравнивать рукописный текст с отпечатанным экземпляром у меня не хватило терпения. Мне самому книга, наоборот, показалась пристойной почти до тошноты. Тем не менее я внес некоторую правку.

Автор умер много лет назад, и я распорядился рукописью, как если бы она принадлежала ушедшему из

жизни другу, и роман, им не отредактированный, передали мне для подготовки к публикации. Я оставил все как есть, со всеми ошибками, и удовлетворился лишь мелкими исправлениями. Авторская пунктуация не подчинялась никаким правилам, так что я приложил немало усилий, дабы привести ее в порядок. Бессчетные тире, которые писатель, боюсь, использовал слишком часто и вольно, я заменял двоеточиями, точками с запятой и запятыми. Я опускал ряды многоточий, при помощи коих писатель стремился привлечь внимание читателя к красоте чувства либо тонкости наблюдения, — и ставил точки вместо восклицательных знаков, что маячили на страницах телеграфными столбами, очевидно, с целью подчеркнуть изумленное восхищение автора остротой собственного ума.

Понятия не имею, отчего он манерно взялся употреблять формы слов, уместные скорее в средневековом романе, нежели в современной прозе. Я убрал эти изыски везде, где нашел, но если они все же попадутся на глаза читателю, прошу простить молодого автора за его заблуждение, а редактора — за невнимательность.

Занятную историю рассказывают об Альфреде де Мюссе. Как-то раз, сидя у Жорж Санд и дожидаясь возвращения хозяйки, он взял со стола одну из книг, написанных ею. Произведение показалось ему невероятно многословным. Вернувшись домой Жорж Санд застала де Мюссе с карандашом в руке — поэт вычеркивал из книги все ненужные прилагательные. Говорят, это ей не слишком понравилось. Я могу понять и его порыв нетерпимости, и ее гнев, но сам в данном вопросе — сторонник умеренности. Некоторые излюбленные словечки автора теперь выглядят странно и старомодно, и все же я решил оставить их, поскольку нет причин утверждать, что современные замены, ко-

торые я мог бы употребить, точно так же не устареют через несколько лет. Мода на эпитеты проходит быстро, и распространенное сегодня «презантиный», вне всяких сомнений, по прошествии некоторого времени будет звучать столь же искусственно, как «несносный» — слово, ходившее в 1890-х годах.

Далее, я вычеркнул множество «вполне», «в некоторой степени» и «довольно», так как автор романа имел неприятную склонность избегать безусловных утверждений. Я был безжалостен к наречиям. Когда молодой писатель использовал пять слов вместо одного, я оставлял одно; когда же он не выражал свою мысль ясно, я брал на себя смелость заменять его высказывание тем, которое, на мой взгляд, совершенно точно подразумевалось. Английский язык очень сложен, и автор, с чьей работой я позволил себе описанные вольности, так им и не овладел. Ему никогда не объясняли ни сложностей композиции, ни таинств стиля. Он начал писать, как дитя учится ходить. Автор усердно пытался изучать лучшие образцы творчества, однако, не имея опытного наставника, порой выбирал неудачные примеры и уделял много внимания писателям, которых сегодня большая часть публики считает жеманными и пустыми.

Несколько месяцев назад в галерее на Корк-стрит проходила выставка небольших французских картин начала века. В то время я часто бывал в Париже, с удовольствием заглядывал в лавочки на рю де ла Бёти или гулял на другом берегу Сены, где полотна выставлялись на обозрение, и потому, должно быть, видел их и замечал, что другим они нравятся. При всем том я отмахивался от этих картин небрежным жестом, считая их салонными и заурядными, поскольку недавно открыл для себя Мане, Моне и Писсарро, и маленькие

парижские зарисовки — изображения набережных, бульваров, убогих улочек и Елисейских Полей — ни о чем мне не говорили. Однако когда я вновь увидел их после долгого перерыва, они показались мне прелестными. *Fiacres**, омнибусы, легкие двухместные повозки, запряженные резвыми лошадьми, которыми правили женщины — *femmes du monde*** или известные *cocottes****, одетые по последней моде и спешащие в Булонский лес; маленькие солдаты в необычной форме; *nounous***** в чепцах с длинными шелковыми лентами, толкающие перед собой детские коляски на пути в Люксембургский сад, — все это воспринималось как само собой разумеющееся, в голову даже не приходило, что жизнь столь пестра и радостна. Хорошо ли, плохо ли были написаны эти картины — а большинство из них свидетельствовало о тщательности упражнений в изящных искусствах, — не имело значения; годы придали им ностальгическое очарование, против которого не устоять. Это были *жанровые сцены*. И теперь, перечитав «Миссис Крэддок» перед новым изданием, я воспринимаю роман как жанровую картинку. Его нелепицы вызывают у меня смущенную улыбку, но я не трогаю их, потому что они принадлежат своему времени, и если роман чего-то стоит (а об этом судить читателям), то именно благодаря достоверному, хочется верить, отображению жизни в одном из уголков Англии на закате девятнадцатого столетия.

Действие происходит между 1890 и 1900 годом. Мир тогда сильно отличался от теперешнего. Теле-

---

* Легкий наемный экипаж (фр.). — Здесь и далее примеч. пер.

** Дамы высшего света (фр.).

*** Кокотки, женщины легкого поведения (фр.).

**** Няньки (фр.).

фон и граммофон уже были изобретены, однако стали частью обыденной жизни и заняли место в каждом доме лишь много лет спустя. Радио, конечно, еще не знали. Автомобиль также принадлежал будущему, а первый летательный аппарат братья Райт продемонстрировали только в 1903 году. Повсеместно вошли в моду «безопасные» велосипеды, и собирались целые компании, чтобы прокатиться на них в парк Баттерси или за город.

Женщины убрали волосы в высокую прическу, а если длины не хватало, на голове закреплялась накладка из собственных же волос, вычесанных гребнем. Поверх такого внушительного сооружения надевалась шляпка, украшенная цветами, фруктами и перьями. Дамы носили высокие воротники и пышные юбки в пол, а также корсеты на китовом усе, затянутые до невозможности. Молоденькие девушки хвастались восемнадцатидюймовыми талиями. Одно время невероятно модным считался рукав, пышный у плеча и узкий от локтя до запястья. К концу десятилетия волосы уже не забирали на макушке, а укладывали в «пучок» на затылке, и все женщины взбивали замысловатую (часто искусственную) челку. Горничные носили чепчики и опрятные фартуки, а хозяйка могла посчитать за дерзость, если прислуга явилась бы ей на глаза без головного убора.

Для визитов в гости, клубы и конторы мужчины надевали сюртуки и цилиндры. Некоторые смельчаки носили визитки — разумеется, с шелковым цилиндром. Котелок служил принадлежностью автобусных кондукторов, кучеров, клерков и прощелыг. На вечерние приемы мужчинам полагался фрак с черным жилетом и белым галстуком; в белых жилетах ходили только важные персоны. О смокинге ничего не слы-

шали. Даже в сельской местности, где были привычны костюмы из твида и бриджи, пока не окрещенные брюками-гольф, мужчины носили жесткие стоячие воротнички и крахмальные рубашки.

Эра близилась к концу, однако поместное дворянство, которому вскоре предстояло лишиться власти, принадлежавшей им столь долгое время, даже не подозревало об этом. В связи с упадком сельского хозяйства земля перестала быть источником дохода, и все же, несмотря на это, мелкопоместные дворяне верили, что все будет идти своим чередом, как раньше. К классу богатых капиталистов, уже начавшему их вытеснять, они испытывали только презрение. Они принадлежали к благородному сословию. Да, по большей части эти люди были глупы, ограничены и нетерпимы; чересчур благонаравны и педантичны, но при этом не лишены достоинств. Думаю, автор обошелся с ними не совсем справедливо. Они жили и действовали согласно своим убеждениям. То, что кто-то рожден владеть имением, а прочие обязаны трудиться на его земле за сущие гроши, считалось естественным, и не в праве английского джентри было посягать на волю непостижимого провидения. В общем и целом поместные дворяне были честными, порядочными людьми, лишенными зависти, хорошо воспитанными, добрыми и радушными, но они пережили свое время, и то, что в ходе событий им было суждено исчезнуть, пожалуй, можно считать неизбежностью. Теперь их усадьбы либо заброшены, либо переделаны под школы или дома престарелых, а на обширных участках, которые они распродали, построены дома, пабы и кинотеатры.

Как это распространено среди романистов, автор «Миссис Крэддок» списал своих персонажей — за единственным исключением — с реальных, знако-

мых ему людей. Исключение это составляет мисс Лей. Прообразом ее героини послужила портретная статуя Агриппины* из музея в Неаполе. Звучит неправдоподобно, но это факт. При всем том, когда я перечитывал книгу, меня главным образом привлекла фигура автора, явно проступающая на страницах романа. Повидимому, его нельзя было назвать приятным молодым человеком. Взять хотя бы нелепые предубеждения этого чудака: не понимаю, почему он так невзлюбил георгианский стиль. По-моему, ни в одной другой стране жилищная архитектура не достигла таких высот, как в Англии при Георгах: дома, возведенные в этот период, были величавы, красивы и просторны. Тем не менее, описывая дом, в котором жила главная героиня, автор неизменно делал это со злой насмешкой, называл «пятном, уродующим пейзаж». Подозреваю, его немало восхищали особняки из красного кирпича со створчатыми окнами и мансардными крышами, которые архитекторы возводили повсюду в сельской местности. Однако это всего лишь вопрос вкуса, а, как известно, человек может иметь вялый характер и одновременно обладать тонким вкусом.

Не знаю, с какой стати автор полагал (если только не позаимствовал свое мнение у Мэтью Арнольда**), что все англичане — обыватели и что остроумие, блестящие способности и культура достались исключительно французам. Молодой писатель не упускал

---

* Агриппина (часто Агриппина Младшая; 15 — ок. 59 н.э.) — внучка императора Тиберия, сестра Калигулы, мать Нерона.

** Мэтью Арнольд (1822—1888) — английский поэт и культуролог, один из наиболее авторитетных литературоведов и эссеистов викторианского периода. Стоял у истоков движения за обновление англиканской церкви.

шанса пройтись насчет соотечественников. С определенной наивностью он оценивал французов так же высоко, как они ценят себя сами, и ни на миг не сомневался в том, что Париж — средоточие цивилизации. Современную французскую литературу он изучил лучше, нежели отечественную. Именно под влиянием первой он приобрел некоторую манерность письма — например, целые ряды многоточий, о которых я уже упоминал и которыми французские писатели того времени пользовались сверх меры. Единственным оправданием автору, помимо молодости, может служить то, что Англия для него олицетворяла сдержанность и подчинение условностям, тогда как Франция — вольный дух и свободу. Я крайне неодобрительно отношусь к его привычке время от времени вылезать на первый план романа и с едким сарказмом обращаться непосредственно к читателю. Где он обучился этому скверному приему, сказать трудно.

В силу того, что для своего возраста автор немало попутешествовал по Европе и довольно свободно разговаривал на четырех иностранных языках, а также по той причине, что молодой человек много читал не только на английском и французском, но и на немецком, испанском и итальянском языках, у него сложилось чрезвычайно благоприятное мнение о себе. Бывая в Европе, он свел знакомство с людьми — молодыми и не очень, — которые разделяли его превратные убеждения. Со средствами, достаточными для жизни в те недорогие времена, и дипломом без отличия они приезжали из Оксфорда или Кембриджа и вели бесцельное существование в Париже, Флоренции, Риме и на Капри. Писатель был слишком простодушен и не замечал в них безвольных слабаков. Они не стеснялись называть себя эстетами и воображали, что сгорают

ярким, небесным пламенем. Они полагали Оскара Уайльда величайшим мастером английской прозы девятнадцатого века. Сознывая в душе, что приятели находят его незрелым юнцом и даже в чем-то мещанином, автор изо всех сил старался соответствовать их высокому уровню. Он послушно восхищался произведениями искусства, которые вызывали восхищение у них, и презирал все то, что презирали они. Наш молодой человек был не только глупым, но также надменным, самоуверенным и часто вздорным. Если бы я встретился с ним сейчас, то с первой же минуты почувствовал бы к нему глубокую неприязнь.

У.С.М.

1955

ПИСЬМО-ПОСВЯЩЕНИЕ

Дорогая мисс Лей!

Полагаю, вы не сочтете оскорбительным, если я задамся вопросом, когда же, собственно, имел счастье познакомиться с вами. И хотя я прекрасно помню, что это случилось не так давно, мне кажется, что мы с вами знакомы целую жизнь. Если не ошибаюсь, наша встреча произошла позапрошлым летом в Неаполе, верно? (Я все забываю, отчего вы, по обыкновению, посещаете зимние курорты в конце лета; названные вами причины были своеобразны, но не убедительны — надеюсь, не ради того, чтобы избежать общения с соотечественниками?) В тот день я наслаждался видом прекрасной портретной статуи Агриппины в Галерее Шедевров, когда вы, присев рядом, о чем-то меня спросили. Мы разговорились (кстати, оба даже не подумали, требует ли этикет присутствия кого-либо из родственников; вы сразу положились на мою порядочность) и с тех пор провели вместе немало времени. По правде говоря, вы почти не покидали моих мыслей.

Теперь, когда наши пути расходятся (от этой избитой фразы вы наверняка поморщитесь), позвольте сказать вам, какую радость доставило мне ваше расположение и какое невыразимое удовольствие я получал от наших встреч, всякий раз сожалея, что неумолимые

обстоятельства делают их столь редкими. Должен признаться, я благоговею перед вами, хотя вы этому и не поверите, ведь не раз упрекали меня в легкомыслии (на самом деле вы гораздо несерьезней меня!), однако ваша легкая насмешливая улыбка в ответ на какое-либо мое замечание постоянно заставляет меня думать, что я сказал глупость — а по вашему мнению, нет на свете более тяжкого греха...

Вы как-то говорили, что, если знакомство оставило приятное воспоминание, следует избегать соблазна возобновить его — иное время и место способствуют новым впечатлениям, которые не могут соперничать со старыми, вдвойне идеализированными сперва новизной, затем расставанием. Эта максима сурова, но оттого, видимо, еще более верна. И все же не хотелось бы верить, что будущее приготовило нам лишь забвение. Меня ожидает работа, а вы затеряетесь в лабиринте итальянских отелей, в которых, по странному капризу, предпочитаете прятать свои достоинства от окружающих. Я не рассчитываю на встречу с вами (звучит ужасно сентиментально, а вы, знаю, терпеть не можете бурного проявления чувств. И — да, в моем письме чересчур много скобок), однако же страстно надеюсь, что однажды вы решитесь на этот маленький эксперимент. Что скажете?

Искренне преданный вам, дорогая мисс Лей (пожалуйста, не смейтесь, я хотел бы написать — Любящий вас),

У.М.

Глава I

Эту книгу можно также озаглавить «Триумф любви».

Берта смотрела из окна на унылую серость дня. Небо было свинцовым, тучи — тяжелыми и низкими. На неухоженной подъездной аллее, ведущей к воротам, бесчинствовал ветер; с обрамлявших дорогу вязов облетела вся листва, их голые ветви словно дрожали от страха перед наступающим холодом. Стоял конец ноября, день выдался мрачный и безрадостный. Казалось, уходящий год отбрасывает на все вокруг тень смертного ужаса. Воображение отказывалось рисовать в измученном мозгу картины благословенного сияния солнца, картины весны — юной девы, которая щедро разбрасывает из своей корзины цветы и зеленые листья.

Берта обернулась и посмотрела на тетушку, разрезавшую страницы свежего номера журнала «Спектейтор». Прикидывая, какую книгу взять у Мьюди*, мисс Лей пробегала глазами осенние списки и хвалебные фразы, выуженные ловкими издателями из неблагоклонных отзывов.

---

* Чарльз Эдуард Мьюди (1818–1890) — основатель одной из лондонских библиотек, издававших на дом художественную литературу; изучал читательские вкусы и открыл большое количество филиалов.

— Что-то ты сегодня беспокойна, Берта, — заметила тетья в ответ на пристальный взгляд племянницы.

— Пожалуй, прогуляюсь к воротам.

— Ты ходила туда уже дважды за последний час. Обнаружила что-то новое?

Берта не ответила и опять отвернулась к окну; дневной пейзаж запечатлелся в ее сознании до последней мелочи.

— О чем вы думаете, тетья Полли? — спросила она, внезапно обернувшись к тетушке и поймав устремленный на нее взор.

— О том, что необходимо обладать большой проницательностью, чтобы распознать переживания девушки по виду ее прически.

— Да нет у меня никаких переживаний, — рассмеялась Берта. — Наоборот, мне хочется... — она умолкла, подыскивая слова, — распустить волосы, встряхнуть ими, что ли.

Мисс Лей ничего не сказала и опустила глаза в журнал. Она едва ли задумалась над тем, что имела в виду племянница, давно перестав изумляться ее привычкам и поступкам. Удивление тетушки вызывало лишь то, что эти привычки и поступки слабо соответствовали общепринятому мнению о Берте как о независимой молодой женщине, от которой следует ожидать чего угодно. За три года, прожитые вместе после кончины отца Берты, обе женщины научились прекрасно ладить друг с другом. Их взаимная привязанность была сдержанной и всячески достойной уважения, как нельзя более подобающей двум благовоспитанным дамам, связанным вопросами обоюдного удобства и внешних приличий.

Мисс Лей, призванная в Италию к смертному одру брата, познакомилась с племянницей в силу при-